

XX

Я живо сорвал свои четыре галуна; на них, бедных, было просто жалко смотреть, – так они поблекли, порыжели и полиняли... И вот я свободен!

Именно теперь – я настоящий командир батальона. Никогда не следует принимать официального начальствования над революционной армией. Я думал, что чин приносит с собой авторитет, – он отнимает его.

Ты только ноль перед номером батальона. И подлинным начальником становишься лишь в бою, если первым кидаешься в опасность. Ты впереди – и другие идут за тобой. А потому крещение избранием не значит ничего; есть лишь одно крещение – огнем!

Да, теперь, когда мой головной убор не украшен уж больше серебряными червяками, все те, кому я был так предан и кто чуть было не превратился в моих врагов, дружески протягивают мне руки. Я председательствую на собраниях различных групп, не будучи официально председателем ни одной из них. Не нужно мне почестей. Я хочу быть простым солдатом, получать свои тридцать су и иметь право кричать вместе со всеми: «Долой начальников!»

– Не советую вам, господин капитан, иметь меня в своем батальоне!

Капитан смеется или только делает вид, что смеется, так как отлично знает, что отныне офицеры у меня в руках и что это я буду подсказывать им мятежные лозунги.

Однако мой чин оказал мне услугу, когда мы, как начальники, в полном составе отправились в ратушу изложить волю Парижа и потребовать, чтобы не злоупотребляли его отчаянием, а хорошенько вооружили его против врага.

Однажды утром мне довелось увидеть, как все правительство национальной обороны, выведенное на чистую воду, запуталось во лжи под ясным взглядом Бланки.

Слабым голосом, спокойно и сдержанно он дал им понять, в чем заключается опасность, указал на средства, какими можно избежать ее, прочитал целую лекцию политической и военной стратегии.

И Гарнье-Пажес в своем высоком воротничке, и Ферри со своими бакенбардами, и бородатый Пельтан – все они имели вид школьников, уличенных в полном невежестве.

Правда, Гамбетта не присутствовал, а Пикар явился лишь в середине заседания.

После Бланки слово взял Мильер. От имени революционеров он требовал отправки комиссаров за пределы Парижа, «чтобы представить народ армиям».

– Послушайте, Вентра, – говорит толстяк Пикар, увлекая меня в амбразуру окна и теребя пуговицу моего пиджака. – Вы знаете, я совсем – ну, ни капельки – не протестую против того, чтобы вас отправили куда-нибудь подальше с вашим мандатом полномочного представителя предместий. Это доставило бы мне даже некоторое удовольствие... Но другие, – вы только взгляните на них! Ну, разве не простаки мои коллеги! Они могут избавиться от вас и чего-то еще раздумывают. Я так вот готов подписаться руками и ногами, лишь бы убрались подальше эти красные.

...Красные? Где красные? – прибавил он, подражая завсегдатаям дешевых танцулек, которые кричат: «Визави? Где визави?»

И расхохотался.

Затем, нагнувшись к самому моему уху и поводя пальцем у меня перед носом, сказал:

– Но вы, хитрец, вы никуда не поедете! Готов держать пари на кролика, что не поедете!

Я не держу пари на кролика... слишком дороги они сейчас. К тому же я проиграл бы. Точно так же, как и он, я не понимаю этих кандидатур, представленных на утверждение правительства.

Нельзя оставлять город, когда в нем голод и тридцатиградусный мороз: этот голод и этот холод готовят горячку восстания. Нужно оставаться там, где подышают.

Да и нечего рассчитывать на то, что провинция, не пожелавшая прийти нам на помощь, зашевелится вдруг только потому, что в одно прекрасное утро явятся люди из Парижа и начнут вечером разглагольствовать в клубах.

Но зато это будет совсем «как в 1793 году».

Так думают люди убежденные, а те, что себе на уме, считают, что раз поставил ногу в стремя официального положения, то уж ни кулаки восстаний, ни выстрелы реставраций не должны выбить тебя из седла.

– Черт бы вас побрал! – кричит Пикар своим коллегам. – Отправляйте их, и пусть их там повесят, или пусть они сами лезут в петлю, если им угодно. Когда затрещит их собственный

затылок, они уж не станут толкать вашу башку в ошейник гильотины... будьте спокойны! А когда все утрясется, они еще будут просить, чтобы вы дали им у себя местечко и легализовали их мандаты бунтарей. Так всегда бывает.

Однако эта философия никак не устраивает власть; она не желает показать вида, что уступает толпе, и хочет играть роль Юпитера-громовержца, изрекающего «Quos ego»[150], перед которым смиренно отступают пенящиеся волны.

Но они грозно вскипели однажды вечером. Мы, группа командиров предместий, в полной парадной форме пришли спросить, не издеваются ли над народом?

Явились Ферри и Гамбетта и затараторили во имя отечества и долга... Гамбетта был резок и распекал нас.

Но мы дали отпор холодно и твердо.

Лефрансе высказался, за ним другие: ослиная шкура их декламаций была пробита.

Не зная что ответить, они начали грозить.

– Я велю вас арестовать, – заявил мне Ферри.

– Посмейте только.

Они не осмеливаются и с жалким видом отступают. Гамбетта улизнул под шумок, выбросив последний заряд красноречия.

Ферри, разыгрывающий роль смельчака, остается. Его окружают, теснят... Никто не знает, чем закончится этот вечер и будет ли каждый из нас ночевать у себя дома.

Несколько командиров шепчутся в углу; видно, как их руки сжимают эфесы сабель.

– Вентра, вы с нами?

– В чем дело?

– Нас здесь сотня, мы представляем сто батальонов. Из этой сотни только человек восемь за Гамбетту и Ферри. Что, если остальные девяносто два скажут этим восьми и тем двум: «Вы наши пленники»?

Мысль прилась по вкусу. Через час может случиться много нового.

Но по нашим губам и глазам было нетрудно догадаться, о чем мы сговариваемся.

Не опередят ли нас? Не вызовут ли роту с караула, чтобы окружить и обезоружить нас?

Нет. Они не уверены даже в тех, кому поручили защищать себя.

Необходимо все же предотвратить опасность.

Кто их спасет?

Два человека: Жермен Касс, разыгрывающий непримиримого, но одной ногой стоящий в их лагере, и Вабр[151], всегда бывший с ними.

Они вдруг исчезают, но через несколько минут появляются, возбужденные и запыхавшиеся.

– К укреплениям! К укреплениям!

Сбегаются со всех сторон.

– К укреплениям! Неприятель прорвал наши линии! Бастионы взяты!

Никто уж не думает больше о заговоре, а если некоторые и продолжают лелеять мысль о нем, то они хорошо понимают, что этот маневр убивает их.

Вот как случилось, что однажды вечером на прошлой неделе ратуша ускользнула из рук нескольких решительных командиров, хотевших овладеть ею.

Но терпение!.. Они еще возьмут свое!

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 мая 2026 13:31:55

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 мая 2026 13:32:33